

Тема «юродства» в творчестве Ф.М.Достоевского.

В данной статье проанализирована тема «юродства» в творчестве Ф.М.Достоевского.

В речи героев Достоевского слова «юродивый», «шут», «дурак», «идиот», «чудак», «сумасшедший» часто употребляются как синонимы

Основные черты юродства, значимые для Достоевского: это наивность, простота, прямота, смирение, приниженность, всепрощение, стремление всех помирить, обращенность к Богу, любовь к детям.

Юродивый Достоевского, как и древнерусский юродивый, - смиренный и приниженный, отказывающийся от интересов своего Я, от самолюбия. Однако при этом он не претендует на роль Духовного Вождя, он унижен, даже смешон, но не вызывает поклонения, он будет вознесён лишь после Суда Божьего. Гордость – антоним юродства для Достоевского.

Достоевский не говорит о безумии или имморализме юродивого, юродивый для него лишь «простой», «добрый», «благородный» человек, чья доброта принимает удивляющие окружающих формы, и потому он воспринимается как неординарная личность, человек со странностями, сумасшедший.

В речи героев Достоевского «юродивыми» называются: Лизавета Ивановна и Соня (слова Раскольникова, Семён Яковлевич, Лизавета Смердящая, о. Ферапонти старец Варсонофий (повествователи романов «Бесы» и «Братья Карамазовы» передают общественное мнение об этих персонажах), кн. Мышкин (слова Рогожина, Марья Тимофеевна (так её называет рассказчик), учитель (из рассказа Макара Долгорукого[62]), старец Зосима (слова Ракитина), Алеша (так его называют Ракитин, Лиза, Катерина Ивановна, с юродивым его сравнивает повествователь[63]). Как видно из этого перечисления, в речи героев называются юродивыми

совершенно разные персонажи, это не может служить нам достаточным основанием для объединения их в группу «юродивых», однако можно выделить определённые черты юродства в каждом из этих героев: приниженность и смирение (Соня) или претензии на роль духовного вождя (Семен Яковлевич, о. Ферапонт), сумасшествие (Марья Тимофеевна, Лизавета Смердящая), чуждость земным страстям (кн. Мышкин), любовь людей, жизнь на открытом пространстве, без заботы о пропитании (учитель, Лизавета Смердящая, Алеша Карамазов).

Слово «идиот» означает для Достоевского умственно неполноценного человека. Приведем одну цитату из «Дневника писателя» (Достоевский критикует статью о современных «Нечаевых»): «Почему же они «идиоты»? Напротив, даже настоящие монстры из них могут быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми», «Одна из современных фальшей»). В том же значении употребляет это слово князь Мышкин: «Я тогда был почти идиотом и ничего не мог понимать». Повествователь о князе: «Тогда он еще был совсем как идиот, даже говорить не умел хорошо, понимать иногда не мог, чего от него требуют». Примечательно следующее замечание повествователя в романе «Идиот»: «Ганя (...) потерял всякую сдержанность(...). Но именно чрез это бешенство он и ослеп; иначе он давно бы обратил внимание на то, что этот «идиот», которого он так третирует, что-то уж слишком скоро и тонко умеет иногда все понять и чрезвычайно удовлетворительно все передать» .

Остальные персонажи употребляют слово «идиот» как по отношению к действительно больным людям («идиоты» - больная девушка, на которой собирався жениться Версиков в романе «Подросток»; Лизавета Ивановна; Подросток; кн. Мышкин и др.), так и по отношению к людям, лишенным обычного, житейского здравого смысла, совершающим эксцентрические поступки.

Сам автор предпочитает героев, не подчиняющихся общепринятым нормам и представлениям, называть «чужаками». При этом не смешиваются

понятия «чудак» и «идиот, дурак, неумный человек». В «Дневнике писателя» за 1877 год Ф.М. Достоевский пишет: «Но что такое «чудак»? Не всегда же дурак или такой уж наивный человек, который и догадаться не может, что на свете не все же ведь одни и те же порядки, как где-то там у него в углу». «Чудак» Достоевского – человек, не следующий житейскому разуму, но в то же время понимающий, знающий его законы.

Как о «чудаке» говорится об Алеше Карамазове: «это человек странный, даже чудак. Но странность и чудачество скорее вредят, чем дают право на внимание, особенно когда все стремится к тому, чтоб объединить частности и найти хоть какой-нибудь общий толк во всеобщей бестолочи. Чудак же в большинстве случаев частность и обособление. Можно найти общее между авторским определением «юродивого» как «Христа ради терпящего» и «чудака» как носителя «сердцевины целого» и заключить, что в авторской речи слова «чудак» и «юродивый» употребляются как синонимы. Это те «сумасшедшие», которые следуют не здравому смыслу, а неким высшим нормам и идеалам. «Шутовство» у Достоевского постоянно описывается как исполнение роли. «Фердыщенко позволялось играть роль шута». «Лебядкин, искусившийся в роли шута...» «В ту пору он (Федор Павлович, - Ю.С.) слишком уж даже выделано напрашивался на свою роль шута, любил высказывать и веселить господ...» и т.п. Шут у Достоевского часто юродствует.

Словарь Даля дает следующее толкование: «Юродствовать – напускать на себя дурь, прикидываться дурачком, как дельвали встарь шуты».

Шутовство, как правило, связано с унижением. Например, повествователь «Идиота» пишет: «Нина Александровна многое генералу прощала и любила его даже в шутовском и унижительном виде». Понимание шутовства как отсутствия идеи можно наблюдать в работах Достоевского на многих примерах. Приведем некоторые из них. Выступая против раннего обучения иностранным языкам, когда родной еще недостаточно усвоен, писатель так пишет о результатах подобного воспитания: «Из него (ребенка)

выходит международный межеумок, с коротенькими, недоконченными идейками, с тупою прямолинейностью суждения. Он дипломат, но для него история наций слагается как-то по-шутовски. Он не видит, даже не подозревает того, чем живут нации и народы, какие законы в организме их и есть ли в этих законах целое, усматривается ли общий международный закон». В «Дневнике» 1877 года Достоевский пишет: «В наш век негодяй, опровергающий благородного, всегда сильнее, ибо имеет вид достоинства, почерпаемого в здравом смысле, а благородный, походя на идеалиста, имеет вид шута». Мы видим здесь использование слова шут в значении «не имеющий твердого основания для своих убеждений». В то же время не трудно понять, что для Достоевского шуты - реалисты, т.е. основывающие свои взгляды только на материальном. «Сердцевина», идея не может быть шутовством. В этом аспекте интересны некоторые слова героев романа «Бесы». Ставрогин говорит Верховенскому- младшему: «Если б вы не такой шут, я бы может и сказал теперь да... Если бы только хоть каплю умнее...». Верховенский: «Я то шут, но не хочу, чтоб вы, главная моя половина, были шутом». О самом Верховенском говорится: «Он энтузиаст, есть точка, где он перестает быть шутом и обращается в... полупомешанного».

Шутовство таким образом противопоставляется юродству по признаку обладания идеей. «Юродивые», «чудаки», «оригиналы» - люди, одержимые идеей. «Шуты» – «межеумки», «ряженые», они играют роль, могут говорить самые высокие речи, но на самом деле идеей не обладают.

«Идея» не обязательно должна быть христианской. Но идея должна быть у человека. Ахиерей Тихон цитирует Ставрогину Новый Завет: «И ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ни холоден, ни горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих»

Итак, мы определили, что слово «юродивый» обозначает для Достоевского носителя христианской идеи, человека «простого» и необыкновенного доброго. Юродивый Достоевского обычно окружен

детьми. Писатель не говорит о театральности поведения своего юродивого, о его сумасшествии или имморализме. В то же время в речи героев юродивый равен дураку, идиоту, сумасшедшему, шуту, т.е. человеку психически ненормальному. В речи автора синонимом «юродивого» становятся «чудак, странный человек», что подчеркивает исключительность такой личности в мире и её восприятие как «ненормальной» с точки зрения обычных людей. Контекст употребления слова «шут» указывает, что это явление, исторически связанное с бесовством, в поэтике Достоевского получает дополнительный семантический признак: отсутствие идеи, чем «шут» противопоставляется «юродивому» и другим героям, имеющим свою идею.

Список использованной литературы:

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990[126].
2. Гроссман Л.П. Достоевский. М., 1995.
3. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: 1964.
4. Альтман М.С. Достоевский: По вехам имен. Саратов: 1975
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: 1979.
6. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. О русских классиках. М.: Высш. Школа, 1993. С.107-223.
7. Ветловская В.Е. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых»: (Житие Алексея человека Божия и духовный стих о нем)
8. Достоевский и русские мыслители: Традиции. Новаторство. Мастерство: Сб. статей. М.: Сов. писатель, 1971. С.325-355
9. Ветловская В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л.: Наука, 1977. С. 153.
10. Гроссман Л.П. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарии. М., 1922 .